

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

НУЛЕВОЙ

ПЕРВЫЙ ОТКЛИК

Илья Игнатов Нулевой

<https://litres.ru/74183837>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где дар проявляется до трёх лет, Кир Астор не получил ничего. В год — пусто. В два — пусто.

В три в его деле появилось одно слово: нулевой.

Без дара ему не место среди одарённых — тем более в академии, где способности определяют положение человека, а слабость быстро превращает его в мишень. Кир уступает каждому противнику. Проигрывает испытания. Терпит боль, после которой другие уже не поднимаются.

Но с каждым поражением он замечает перемены. Его тело запоминает удары. Разум приспособливается. То, что однажды едва не сломало Кира, во второй раз уже не действует так же.

Пока остальные совершенствуют способности, полученные при рождении, Нулевой медленно создаёт себя заново.

И однажды человеку без дара предстоит доказать, что самым опасным может оказаться тот, чьи пределы невозможно измерить.

Содержание

Глава первая. Пустая печать	4
Глава вторая. Дети с искрами	16
Глава третья. Академия Предела	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Илья Игнатов Нулевой

Глава первая. Пустая печать

В ночь, когда родился Кир Астор, над Талвером шёл тёплый дождь. Он не бил по черепичным крышам и не стучал в ставни. Он висел в воздухе тонкими серебряными нитями, и на каждом перекрёстке старого квартала фонари разгорались сами собой — один за другим, будто город медленно открывал глаза.

— Хорошая ночь, — сказал Дан Астор, стоя у окна родильного дома и сжимая мокрый ворот рубахи. — Даже небо решило не экономить на подарках.

Мира лежала на узкой кровати, бледная и злая от усталости. На груди у неё спал ребёнок — маленький, сморщенный, с мокрыми чёрными волосами, прилипшими ко лбу.

— Если ты сейчас скажешь, что он уже похож на тебя, я тебя ударю, — предупредила она.

Дан улыбнулся и поднял ладони.

— Он похож на человека, который однажды будет очень недоволен мной.

— Значит, точно на тебя.

Он подошёл ближе, осторожно коснулся пальцем крошеч-

ной ладони. Кир тут же сжал его палец с неожиданной силой.

— Видела?

— Видела. У него есть пальцы. Я тоже рада.

За дверью тихо хихикнула повитуха. Она была пожилой женщиной с белыми глазами и очень молодым голосом. Когда Дан обернулся, она уже ставила на подоконник чашку с дымящимся отваром.

— Сильный захват, — заметила она. — Может, телесный дар будет. Или защитный. Такие дети любят держаться за жизнь.

Мира посмотрела на сына и впервые за ночь улыбнулась по-настоящему.

— Пусть будет любой, — сказала она. — Лишь бы свой.

В Эларе дети редко рождались без надежды на дар. Никто не знал, откуда именно приходят печати: из звёзд, от древних зверей, из глубин земли или из самой человеческой души. Одни спорили, что дар — благословение Первого Света. Другие называли его шрамом от войны, которую мир пережил слишком давно, чтобы помнить. Но спорить было легко, пока ребёнок был маленьким. До трёх лет любой дар мог проснуться в любое утро.

У соседей Кира сын в год и два месяца впервые чихнул — и все ложки в доме прилипли к потолку. У дочери хозяйки пекарни в полтора года на коже появились золотые прожилки: девочка могла нагревать тесто ладонями, и булки у неё получались быстрее и пышнее, чем у взрослых. В квартале

через реку малыш заговорил со старым псом — не словами, а так, что тот начал выполнять просьбы, которых никто вслух не произносил.

Люди привыкли ждать.

Дан и Мира тоже ждали.

В первый год они ещё смеялись над этим ожиданием.

— Может, он просто собирает силу, — говорил Дан, когда Кир в очередной раз просыпался обычным ребёнком: голодным, злым и совершенно немагическим.

— Что-то долго собирает, — отвечала Мира, но без тревоги.

Они покупали ему игрушки с рунными колёсиками, выпускали во двор в первый снег, водили на Праздник Огней, где дети ловили маленькие синие искры в стеклянные банки. Кир ловил искры ладонями, но те проходили между пальцев и гасли.

Он не плакал. Он просто смотрел.

К двум годам Дан перестал шутить так часто. В доме появилась тишина, которую Кир ещё не умел назвать. Она начиналась, когда родители думали, что он спит. Тишина шуршала страницами старых книг, звенела ложкой о чашку и обрывалась, стоило ему войти на кухню.

— Поздние дары бывали, — говорила Мира.

— Бывали, — отвечал Дан.

— У тёти Лисы сын проявился в два и десять.

— У него была слабая печать ветра.

— Слабая — это всё равно печаль.

После этого они молчали. Кир научился заходить на кухню громко. Специально стучал пятками по полу, чтобы родители успевали перестать говорить. Он думал, что делает им доброе дело. В два года и восемь месяцев он увидел Кая впервые. Тот жил в верхнем квартале, где дома стояли выше, окна были шире, а камень на мостовой мыли каждое утро. Кай оказался на Празднике Первых Листьев вместе со своей семьёй. Он был старше Кира на несколько месяцев, худой, светловолосый и очень серьёзный для ребёнка.

Дети играли у фонтана, пытаясь заставить бумажные кораблики двигаться быстрее. Кир сидел на бортике и болтал ногами в воде. Кай подошёл, посмотрел на кораблик, который никак не хотел плыть, и чуть нахмурился. Воздух толкнул бумагу. Кораблик развернулся, пролетел над водой и ударился о каменный край. Взрослые ахнули. Отец Кая громко рассмеялся и поднял сына на руки.

— Видели? Вектор! Чистый вектор!

Кай не улыбнулся. Он посмотрел на Кира.

— А ты умеешь?

Кир подумал, что это вопрос, на который нужно ответить правильно.

— Пока нет.

Кай кивнул, словно слышал что-то очевидное, и ушёл к родителям. Той ночью Кир долго не спал. Он лежал, глядя в потолок, и пытался сдвинуть с места маленькую деревянную

лошадку на полке. Он смотрел на неё так сильно, что заболели глаза. Лошадка не пошевелилась. Утром Мира нашла его сидящим на полу.

— Ты чего здесь?

— Я учился.

— Чему?

Кир показал на игрушку. Мира села рядом. Она долго смотрела на лошадку, потом на сына.

— Не надо, — сказала она слишком быстро.

Кир не понял.

— Почему?

Она обняла его. Сильно, почти больно.

— Потому что не надо заставлять себя.

Это было первое «не надо», которое он запомнил. За два месяца до третьего дня рождения в дом пришло письмо от Хранителей Истока. Его принёс серый почтовый грач. Птица села на подоконник, постучала клювом три раза и оставила конверт с восковой печатью. Дан прочитал письмо один раз. Потом второй. Потом положил на стол лицом вниз.

— Когда? — спросила Мира.

— На рассвете, в день рождения.

Кир слышал их из коридора. Он уже умел различать голос отца, когда тот боится. Дан говорил чуть медленнее и не смотрел собеседнику в глаза.

— Это просто обряд, — сказал он.

— Знаю.

— Просто обряд.

В день Ритуала Истока Талвер ещё спал. По улицам тянулся молочный туман, а на крышах сидели чёрные ласточки-почтальоны. Дан нёс Кира на руках, хотя тот уже считал себя слишком взрослым для этого.

— Я сам, — ворчал он.

— Сегодня можно и на руках.

— Почему?

— Потому что я хочу.

Мира шла рядом и держала его за ладонь. Камень Имён находился под старой башней в центре города. Башня была старше всех домов вокруг. Её стены покрывали следы от когтей, плавленные полосы, тёмные руны, которые никто не пытался стереть. Внутри пахло мокрым камнем, пылью и чем-то сладким, как после грозы. В круглом зале уже ждали другие семьи. Дети стояли у родителей, сонные, нарядные, кто-то плакал. В центре зала возвышался сам Камень — чёрный, гладкий, выше человека. Он не был похож на обычный валун. Его поверхность казалась водой, застывшей в момент падения.

У Камня сидел хранитель — сухой старик в тёмно-синей мантии. На его шее висела связка серебряных колокольцев, но они не звенели даже тогда, когда он двигался. Первой к Камню подвели девочку в красном платье.

— Имя? — спросил хранитель.

— Эйла Сар.

— Руку на Камень, Эйла Сар.

Девочка коснулась чёрной поверхности. По залу прошёл лёгкий ветер. В воздухе над её головой вспыхнула алая печать — три лепестка, оплетённые тонким стеблем. Мать девочки вскрикнула от радости. Отец опустил на колени и прижал ладони к лицу.

— Дар живого огня, — произнёс хранитель. — Первый отклик.

Следующий мальчик получил печать каменной кожи. У третьего ребёнка зажглись серебряные глаза — дар ночного зрения. Каждый раз колокольцы на шее хранителя тихо звенели. Когда назвали Кира, зал почему-то стал тише. Дан поставил его на пол.

— Иди, — сказал он.

Кир посмотрел на Камень. Он был большой. Страшно большой. Но ему не хотелось показывать это отцу.

— А если он холодный?

— Тогда скажешь мне, — ответил Дан.

Кир подошёл. Хранитель смотрел на него долго. Не как на ребёнка. Как на слово в книге, которое не может прочитать.

— Имя?

— Кир Астор.

— Руку на Камень, Кир Астор.

Кир положил ладонь на чёрную поверхность. Она была не холодной.

Она была пустой.

Не ледяной, не горячей, не гладкой. Пустой — будто под его пальцами не было ничего, ни камня, ни воздуха, ни даже собственной руки. Он вздрогнул и хотел отнять ладонь, но услышал голос. Не вслух. Где-то совсем близко, за ребрами. *Ещё рано.* Кир моргнул.

Ничего не произошло.

Колокольцы молчали.

Мира сделала шаг вперёд.

— Ну?

Хранитель не ответил сразу. Он наклонился, провёл двумя пальцами по поверхности Камня. Его лицо стало серым.

— Повторим.

Дан побледнел. Ритуал повторили. Потом ещё раз. На третий раз Камень оставался чёрным. Ни знака, ни света, ни ветра. Только на самом краю поверхности, там, где лежала ладонь Кира, появилась тонкая белая трещина. Она тут же исчезла. Хранитель поднялся. Колокольцы на его шее не звякнули.

— Дар не откликнулся, — сказал он.

Мира шагнула ближе.

— Он может проявиться позже.

Это прозвучало не вопросом, а требованием. Старик посмотрел на неё, затем на Дана.

— Теоретически.

— Значит, может.

— Теоретически может многое.

— Не говорите так.

Дан положил руку Мире на плечо, но она сбросила её. Хранитель достал из-за пояса тонкую пластину тёмного стекла. На ней вспыхнули серебряные буквы.

— Кир Астор. Отсутствие печати. Отсутствие отклика. Временная классификация...

Он замолчал. Кир смотрел на его губы и ждал, что взрослый назовёт что-нибудь красивое. Как у Эйлы — живой огонь. Как у мальчика — каменная кожа.

— Нулевой, — закончил хранитель.

Это слово не было красивым.

Оно упало в зал тяжелее камня. Кто-то за спиной Миры тихо выдохнул. Какая-то женщина прижала ребёнка к себе. Дан перестал держать Миру за плечо и сжал кулаки.

— Это не приговор, — сказал он.

Хранитель посмотрел на него.

— Нет. Приговор выносит время.

Кир не понял, почему после этого мама заплакала. Он пошёл к ней и потянул за рукав.

— Мам?

Она тут же вытерла лицо.

— Я здесь.

— Мой дар где?

Мира опустилась на колени. Её руки дрожали, когда она поправляла ему воротник.

— Пока спрятался.

— Зачем?

Она не ответила. Дан поднял Кира на руки и пошёл к выходу. На пороге мальчик обернулся. Камень Имён был всё таким же чёрным. Но глубоко внутри, за гладкой поверхностью, будто бы шевельнулась одинокая тень. Домой они возвращались пешком. Дан несколько раз предлагал взять извозную платформу, но Мира не отвечала, а Кир не хотел снова оказаться у него на руках. Он шёл между родителями и считал мокрые плиты мостовой. После каждой десятой плиты спрашивал:

— Теперь проявился?

Мира отвечала первой:

— Пока нет.

На центральной площади они остановились у регистрационной арки. Такие арки стояли во всех городах Элары. Печать взрослого или ребёнка открывала доступ к лекарям, школам, ремесленным палатам и городским вратам. Над аркой мерцали четыре дорожки: телесная, направляющая, связующая и редкая — без названия, отмеченная белой чертой. Хранитель вставил тёмную пластину с именем Кира в паз. Три дорожки погасли. На камне появилась серая надпись:

КИР АСТОР. КОНТУР НЕ ОПРЕДЕЛЁН. ДОПУСК: ВРЕМЕННЫЙ.

— Почему временный? — спросил Дан.

— До повторного освидетельствования в семь лет.

— А потом?

Служитель пожал плечами. Он делал это устало, как человек, которому за день задали один и тот же вопрос двадцать раз.

— Потом комиссия решит, куда его можно допустить без печати.

Дан наклонился к окошку.

— Ему сегодня три.

— Я вижу дату.

— Тогда не говорите о нём так, будто он уже просится на работу в шахту.

Мира положила ладонь мужу на спину. Не успокаивая — предупреждая. Кир смотрел на серые буквы. Он знал только половину, но узнал своё имя и слово «не». На обратном пути им встретилась семья Эйлы Сар. Девочка в красном платье спала у отца на плече. Над её запястьем ещё плавали три огненных лепестка. Мать Эйлы заметила Кира, сразу отвела взгляд и крепче укутала дочь. Этот жест Кир понял лучше надписи. Дома Дан сорвал с двери праздничную ленту раньше, чем пришли гости. Мира всё равно поставила на стол пирог с тремя свечами. Кир задул их с первого раза. Никто не засмеялся и не сказал, что это тоже похоже на дар.

Поздно вечером Дан убрал тёмную пластину в верхний ящик комода, под налоговые квитанции и старые письма. Кир видел, куда именно. Много лет спустя он всё ещё помнил сухой деревянный скрип этого ящика. В ту ночь Кир впервые увидел сон. Он стоял в огромном зале без стен. Впе-

реди висела чёрная дверь без ручки. За ней кто-то медленно бил в колокол.

Один удар.

Пауза.

Ещё один.

Кир проснулся до рассвета и долго лежал, слушая, как в соседней комнате тихо плачет Мира.

Глава вторая. Дети с искрами

К семи годам Кир знал три вещи. Первая: если взрослый говорит «не обращай внимания», значит, кто-то обязательно собирается сделать больно. Вторая: если другой ребёнок улыбается перед тем, как использовать дар, лучше отойти в сторону. Третья: родители любят его, но иногда любовь может быть похожа на закрытую дверь.

Талвер был красивым городом, если смотреть на него с высоты восточного моста. Внизу блестела река, по ней медленно плыли грузовые лодки с синими парусами. Над крышами тянулись канаты для почтовых птиц. На каждой площади стояли рунические фонари, и по вечерам их зажигали не люди, а маленькие светляки-угольки, живущие в стеклянных шарах. Но с земли Кир видел другое.

Он видел, как мальчишки из старших классов метали друг в друга снежки, разогретые до пара. Как девочка с даром голоса заставляла младших повторять за ней глупые слова. Как учительница на уроке труда просила всех показать маленькое применение дара — «чтобы понять, в каком направлении каждому будет легче развиваться». Кир в такие дни сидел у окна.

— Астор? — сказала учительница однажды.

Он поднял голову.

— Что покажешь ты?

В классе стало тихо. Не уважительно — заинтересованно. Кир посмотрел на деревянную коробочку перед собой. Нужно было поднять её без рук или хотя бы заставить крышку щёлкнуть. Парта слева уже чуть дымилась: девочка Рея грела дерево теплом ладоней. Мальчик впереди тихо шептал коробочке, и та сама приоткрывалась.

— Я могу... — начал Кир.

Он не знал, что сказать. Учительница тут же улыбнулась слишком мягко.

— Ничего страшного. Ты можешь наблюдать.

В журнале напротив имени Кира она поставила серый кружок. Остальным ставили цветные: красный для телесных даров, синий для направляющих, зелёный для связующих. Серый означал, что школьный совет ещё не решил, чему ребёнку можно учить вместе со всеми. После урока Кир задержался у стола.

— Почему я не могу сделать коробочку руками?

Учительница закрыла журнал.

— Задание про дар.

— Но коробочка откроется.

— Откроется.

— Тогда какая разница?

Она посмотрела на дверь, за которой ждали другие дети. Ответ у неё был, но произносить его при Кире ей не хотелось.

— Правила составлены не мной.

Кир взял коробочку и открыл защёлку ногтем. Внутри ле-

жала латунная шестерёнка. Он покрутил её, заметил скол на третьем зубце и положил обратно.

— Она поэтому заедает, — сказал он. — Не из-за дара.

Учительница впервые посмотрела на него без жалости. Через мгновение привычная мягкость вернулась.

— Иди на перемену, Астор.

Наблюдать он умел. Он заметил, что у мальчика впереди перед каждым шёпотом напрягалась шея. Что Рея, когда волновалась, грела вещи сильнее, чем хотела. Что учительница никогда не вызывала Кира первой и всегда отворачивалась, когда класс начинал хихикать. В тот день его поджидали за мастерской. Их было трое. Все младше Кая, но уже достаточно уверенные, чтобы говорить его словами.

— Ну что, пустой, покажи наблюдение, — сказал высокий мальчик по имени Орн.

Кир посмотрел на него.

— Ты вчера на уроке два раза промахнулся по мишени.

Орн моргнул.

— Чего?

— Потому что ты перед броском отводишь локоть. Тебя видно.

Второй мальчишка прыснул. Орн покраснел.

— Умный?

— Нет.

— Тогда чего рот открываешь?

Орн толкнул его в грудь. Кир отшатнулся, ударился спи-

ной о стену мастерской. Внутри кольнуло — не сильно, но обидно. Он уже приготовился к следующему толчку.

— Не трогай его.

Голос был тихим. Орн обернулся. На дорожке стояла девочка с тёмными волосами, собранными в кривой хвост. На ней был большой серый плащ, рукава которого доходили почти до пальцев. Кир видел её в классе, но они ни разу не разговаривали.

— Иди отсюда, Тейра, — сказал Орн. — Это не твоё.

— Теперь моё.

— Ты чего, защищаешь нулевого?

Девочка посмотрела на Кира, потом снова на Орна.

— Я защищаю человека, которого трое решили толкать у стены. Разница есть.

Орн усмехнулся и поднял ладонь.

— Ну, попробуй.

Он умел делать короткие воздушные хлопки. Не опасный дар, но неприятный: удар воздуха сбивал с ног, щипал кожу и выбивал из рук вещи. Хлопок ударил в Тейру. Она не отступила. Воздух перед ней дрогнул, словно налетел на невидимое зеркало. Половина удара вернулась назад и врезалась Орну в грудь. Мальчишка сел в грязь с таким лицом, будто сам себя предал. Тейра пошатнулась. Кир заметил это раньше других. Её правая ладонь сжалась. Под кожей на запястье проступила тонкая синяя жилка, затем ещё одна.

— Уходите, — сказала она.

Орн поднялся, посмотрел на неё зло, но уже без прежней уверенности.

— Сорванная какая-то.

— Уходите, — повторила Тейра.

Они ушли. Кир остался у стены. Тейра тоже стояла молча, глядя на свою ладонь.

— Больно? — спросил он.

Она дёрнулась.

— Нет.

— Врёшь.

— Тебя это не касается.

— Ты из-за меня...

— Не из-за тебя. Из-за них.

Она развернулась, но Кир увидел, как она прижала рукав к животу, будто там тоже болело.

— Спасибо, — сказал он.

Тейра остановилась.

— Не говори никому, что видел.

— Что именно?

Она посмотрела на него через плечо.

— Умный, да?

— Наблюдательный.

На этот раз она улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

— Тогда наблюдай молча, Астор.

С этого дня они стали сидеть вместе на последних партах. Тейра не была разговорчивой. Она любила рисовать стран-

ных зверей на полях тетрадей — птиц с каменными крыльями, длинноногих рыб, лис с коронами из веток. Иногда она рассказывала о своём даре так, будто говорила о неприятной болезни.

— Часть удара возвращается, — объяснила она однажды.

— Чем сильнее удар, тем больше возвращается.

— А остальное?

— Остальное остаётся.

— Где?

Тейра пожала плечами.

— Везде.

Кир не стал спрашивать больше. Он уже понял: каждый раз, когда Тейра кого-то защищала, вечером она ходила медленнее, а пальцы у неё дрожали, когда она держала ложку. Кай появился в их школе позже, когда его семья переехала ближе к верхним кварталам. Все уже знали его имя. К девяти годам он мог направлять силу почти без жестов: сбивать птиц с веток, подбрасывать себя на низкие крыши, ломать тонкие палки одним толчком воздуха. Он не был самым громким ребёнком. Хуже. Он был тем, кого слушали громкие.

К тому времени Кай уже носил на рукаве серебряную нашивку Палаты направляющих. Её выдавали детям, которых готовили к раннему отбору в Академию. Нашивка нравилась всем, кроме самого Кая. Когда она цеплялась за край парты, он раздражённо заправлял рукав, словно серебро жгло кожу.

Однажды Кир увидел его за школьным залом. Кай думал, что остался один. Он расставил на земле семь плоских камней и пытался одним вектором перевернуть их по очереди, не сдвинув с места. Первые пять послушно легли светлой стороной вверх. Шестой подпрыгнул. Седьмой раскололся.

— Ещё раз, — сказал мужчина у стены.

Отец Кая был похож на сына только неподвижностью лица. На его плаще поблёскивал знак городской Стражи — две стрелы, сомкнутые остриём.

— Я сделал пять, — сказал Кай.

— На отборе будут считать семь.

— В прошлом году приняли мальчика с шестью.

— В прошлом году принимали детей. Ты просишь место среди будущих Запредельных.

Кай побледнел, но снова поднял руку. Кир хотел уйти незаметно. Под подошвой хрустнула щепка. Отец Кая обернулся.

— Кто там?

Кир вышел из-за угла. Взгляд мужчины скользнул по его пустому запястью.

— Астор. Тот самый?

Кай опустил руку.

— Он просто шёл мимо.

— Тогда пусть идёт дальше. Чужая тренировка — не представление.

Кир ушёл. За углом снова слышал:

— Сначала, Кай. Все семь.

После этого Кир по-другому смотрел на него у старого дуба. Это не сделало Кая добрее и не отменило того, что рядом с ним другие становились жестокими. Но Кир понял: иногда человек собирает вокруг себя толпу потому, что боится остаться наедине с тем, чего от него ждут. На школьном дворе Кай часто стоял у старого дуба, прислонившись плечом к коре. Рядом с ним всегда находилось несколько ребят. Они смеялись, когда он смеялся, и замолкали, когда он смотрел в их сторону. Однажды Кай поймал Кира после уроков.

— Астор.

Кир остановился. Тейра была рядом, но Кай смотрел только на него.

— Ты всё ещё ничего не умеешь?

— А ты всё ещё задаёшь вопросы, на которые знаешь ответ?

У Тейры едва заметно дрогнули губы. Кай не улыбнулся.

— Умные слова не делают тебя сильнее.

— Я знаю.

— Тогда зачем они тебе?

Кир посмотрел на него и честно сказал:

— Чтобы не быть похожим на тебя.

Все вокруг замолчали. Кай сделал шаг ближе. Давления дара не было. Пока.

— Ты не знаешь, на кого я похож.

— Нет.

— И не узнаешь, если будешь сидеть тихо.

— Я и не собирался.

Кай стоял так близко, что Кир видел светлую точку в его левом глазу. Потом Кай отвернулся.

— Посмотрим.

Ночью Дан впервые запретил Киру выходить во двор после заката.

— Из-за Кая? — спросил Кир.

Отец замер у двери.

— Не называй его так, будто вы друзья.

— Мы и не друзья.

— Вот именно.

— Ты его боишься?

Дан долго молчал.

— Я боюсь, что люди с силой иногда забывают, что перед ними тоже люди.

Кир хотел спросить, почему тогда отец не сделал ничего. Почему не поговорил с учителями, не пошёл к родителям Кая, не накричал на кого-нибудь. Но Дан выглядел так, будто уже проиграл разговор, который ещё не начался.

— Тогда я буду осторожным, — сказал Кир.

— Будь незаметным.

Эта фраза осталась между ними, как холодная чашка на столе. В двенадцать лет большинство учеников проходило Распределение ремесла. Печать зажигала на городской карте несколько дорог: лекарские дома, Стражу, мастерские,

транспортные узлы, архивы. Выбор считался добровольным, но семьёй месяцами спорили о цвете одной светящейся линии. Карта Кира не зажглась. Чиновница выдала ему бумажный список профессий, для которых печать не требовалась: счётчик товара, переписчик, грузовой помощник, уборщик рунического налёта. Дан смял список уже на улице. Мира аккуратно разгладила его вечером и спрятала рядом с тёмной пластиной.

Кир увидел оба поступка. Ни один не помог. Через три года, когда Киру исполнилось пятнадцать, в Талвер прилетели белые птицы Академии Предела. Они не были настоящими птицами. Их складывали из тонкого светлого металла, а в груди у каждой горел маленький огонёк. Они летели над городом ровными рядами, опускались на крыши и окна, находили подростков, достигших пятнадцати лет. Киру птица села прямо на подоконник. Она наклонила голову, раскрыла клюв, и на стол упал конверт с печатью из чёрного воска. Мира побледнела.

— Они всё-таки прислали.

Дан взял письмо, но не открыл.

— Закон обязывает.

— Не обязательно ехать, — сказала Мира быстро. — Есть обычные школы. Есть ремесленные дома. Ты можешь учиться здесь.

Кир смотрел на белую птицу. Она не улетала.

— Там будут все? — спросил он.

— Да, — тихо сказала Мира.

— Кай тоже?

Дан посмотрел на него резко.

— Ты не должен ехать из-за него.

— Я еду не из-за него.

Кир провёл пальцем по чёрной печати. Она была гладкой и тёплой.

— Я еду потому, что если останусь, вы все будете ждать, пока я стану незаметным.

Мира закрыла глаза. Тейра пришла к нему вечером. Она уже получила своё письмо и держала его в кармане так, будто оно могло укусить.

— Ты едешь? — спросила она.

— Да.

— Даже если там будет хуже?

Кир подумал о Камне Имён, о слове «нулевой», о Кае у старого дуба, о том, как отец сказал «будь незаметным».

— Тогда хотя бы будет по-настоящему.

Тейра кивнула.

— Ладно. Значит, и я поеду.

Ночью белая птица улетела с крыши дома Асторов. На мгновение её светлая тень легла на окно Кира, и ему показалось, что за стеклом, далеко-далеко, кто-то снова ударил в беззвучный колокол.

Глава третья. Академия Предела

Дорога к Академии Предела начиналась не с ворот. Она начиналась с моста, которого не было на карте. В день отъезда Талвер был залит рассветным светом. Дан нёс один сундук, Мира — второй, хотя оба были уверены, что Кир сам может справиться хотя бы со своей одеждой. Тейра шла рядом с ними и вела за собой длинный ящик, в котором что-то недовольно шуршало.

— Что там? — спросил Кир.

— Мои вещи.

— Твои вещи шипят?

— Некоторые.

Ящик снова зашуршал.

— Ты взяла зверя?

— Это не зверь. Это нитекус.

— А разница?

— Нитекус не кусает людей.

Из ящика донеслось сердитое царапанье. Тейра помолчала.

— Почти не кусает.

На площади перед Северной аркой уже стояли десятки учеников и их семей. Над камнем висели серебряные круги, похожие на пруды, поставленные вертикально. В каждом колыхался другой пейзаж: горы в синем снегу, лес под фиоле-

товой луной, чужой город с белыми башнями.

— Врата? — спросил Кир.

Дан кивнул.

— Малые. Академия далеко. Пешком туда идут только глупцы и паломники.

— А кто такие паломники?

— Глупцы с хорошими сапогами, — ответил Дан.

Мира толкнула его локтем, но улыбнулась. Кир запомнил эту улыбку. Она была редкой в последние годы. Когда подошла их очередь, перед ними раскрылось не одно из серебряных колец, а узкая тёмная арка. Внутри неё клубился серый туман. Смотритель Врат, женщина с двумя золотыми перьями в волосах, взглянула на приглашение Кира. Потом на него самого. Её взгляд задержался на чёрной полосе внизу письма, где стояла отметка «Н-0».

— Врата Предела не любят пустых рук, — сказала она.

Дан шагнул вперёд.

— У него не пустые руки.

Смотрительница подняла брови.

— Это была старая поговорка.

— Тогда оставьте её старой.

Она чуть кивнула и провела пальцами по воздуху. Тёмная арка стала шире. Кир первым вошёл в туман. Мир исчез. Не потемнел, не растворился — просто исчез, как исчезают слова, когда просыпаешься и понимаешь, что забыл сон. Потом под ногами оказался камень. Кир вышел на край огромной

площади и остановился так резко, что Тейра врезалась ему в спину. Перед ними стояла Академия Предела.

Она не походила на городские школы Талвера, где стены были прямыми, окна — одинаковыми, а крыши просто защищали от дождя. Академия росла из чёрной горы, опоясывала её кольцами башен, мостов и балконов. Одни башни были тонкими, как иглы. Другие стояли широкие, с окнами размером с ворота. По склонам ползли лестницы, а между ними двигались платформы на прозрачных нитях света. Над самой высокой башней кружили белые птицы-приглашения. Ниже, в воздухе, медленно плавали каменные обломки, соединённые друг с другом мостиками. Между ними летали ученики на крылатых досках, существах или просто на собственных дарах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.